

—ЮРИЙ
НИКИТИН

— ЮРИЙ
НИКИТИН

К О Н Т Р ● Л Е Р

Книга вторая

Скелет
в шкафу

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серийного оформления
художника *Е. Савченко*

В оформлении переплета использована работа
художника *М. Петрова*

Никитин, Юрий Александрович.
Н62 Контролер. Книга вторая. Скелет в шкафу / Юрий
Никитин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. —
(Контролер. Фантастика Юрия Никитина).

ISBN 978-5-699-88861-0

Большое видится на расстоянии, тайна распада СССР начинает вырисовываться только с дистанции в три десятка лет, да и то в общих чертах. Однако многие в ГРУ полагают, что раскрывать ее все равно рано.

Но кто-то решил открыть миру правду... и вызвать мировой кризис. Владимиру Лавровову предстоит срочно вмешаться, самому решить судьбу великой тайны и, если получится, предотвратить апокалипсис...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88861-0

© Никитин Ю., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Часть 1

Глава 1

Герашенко с большой чашкой парующего кофе двигается по коридору осторожнее ассасина. Налито «с горкой», потому держит цепко и ничего, кроме колышущейся темно-коричневой поверхности, вообще не зрит и не видит.

Я догнал, сказал негромко:

— Не трясите... давайте донесу.

Он разжал пальцы, осторожно передавая чашку, лицо засветилось счастьем.

— Володенька!.. Как хорошо, что вернулся. А здесь, понимаешь, сахар кончился. Вот и бреду к лягушатникам. Хотя они не лягушатники, нечего французов зря обижать, а вообще лягушники!

— Я тоже не доверяю людям, — признался я, — что пьют кофе без сахара. А если экспериментируют на лягушках, то вообще дикари допотопные!

— Дивно смотришься, — сказал он. — Посвежел, расправил спину. Даже выше ростом. Ах да, перестанешь горбиться.

Он распахнул передо мною дверь, я внес и поставил на его стол чашку. В коридоре кто-то заорал:

— Лавронов явился!.. Не поверите, живой пришел!

Герашенко ухватил чашку обеими руками, а в комнате начал стягиваться народ, все любопытные и такие приветливые, словно еще не верят в мое выздоровление. Да и как поверить, нейродистрофия пока не лечится, а это значит, не соперник, такого можно и пожалеть.

Я улыбался, поворачивался, отвечал на похвалы, что да, хорошо выгляжу. Участие в раскрытии воровства гранта я попросил в полиции не афишировать, так что поздравляют с тем, что не зря пару дней отдыхал дома, а то пока отсутствовал, здесь такое было, такое было, но все прошло, к счастью, и наш мирок теперь снова защищен от бурь грубой мирской жизни.

Герашенко допил кофе и вытолкал всех за дверь, прикрикивая «Арбайтэн, арбайтэн!», а когда мы остались одни, повернулся ко мне, уже деловой и серьезный.

— Место Медведева опустело. Так что, Володенька, можешь взять его мышек. Он же кормил твоих! А также хорошо бы посмотреть, что там у него насчет ускорения регенерации аксонов. Может, просто обманывал? С такими деньгами можно жить спокойно и просто ждать эры бессмертия, пусть ее в муках и бессонных ночах открывают другие.

— Беру, — ответил я, не раздумывая. — Тем более, вчера Брайан Джюс и Роберт Ланг опубликовали статью в «Мире нейросинтеза» о новом перспективном способе стимуляции роста неких аномальных аксонов в нестандартных средах.

— Ого, — сказал он с уважением, — когда ты успел?

— И даже обдумал, — сообщил я, — как двигаться дальше. Как надо было бы... Медведеву.

— Но теперь действуй ты, — сказал он и с энтузиазмом потер ладони. — Я рад, что ты в строю!.. Тьфу-

тьфу, как же нам повезло с той сумасшедшей попыткой..

— Тихо-тихо, — шепнул я. — Узнают, нас всех возьмут за жопу. И повыгоняют отовсюду. Второй раз не повторить, нужно разрабатывать точный метод. Хорошо, пойду перетаскивать его мышек.

— Тебе все его наработки скинуть?

Я покачал головой.

— Не нужно. Я в курсе.

Он кивнул, а я подумал, что действительно в курсе всего, и даже проделал тысячи экспериментов мысленно, однако в счет принимаются только те, что в реальности, а тут главная трудность, что любую виртуальную находку, полученную за три секунды, придется подтверждать несколько лет. Мышки живут два года, а чтобы проверить, увеличилась ли продолжительность их существования, нужно ждать хотя бы эти два года, плюс какое-то время сверху, чтобы робко и еще неуверенно сообщить про успех. Лишь тогда мою методику начнут проверять в сотне подобных независимых лабораторий по всему свету, и если и там получится то же самое, только тогда метод будет признан работающим. А это не меньше пяти лет еще..

Ближе к обеду все забежали в жуткой суматохе, как муравьи по горячему песку. Я увидел в окно, как к подъезду подкатила «Тесла» последней модели, а за нею два черных джипа с охраной.

Геращенко вскрикнул в страхе:

— Это сам Мацанюк прибыл!..

— А чего такая паника? — поинтересовался я.

Он воскликнул:

— Володя, как вы не понимаете!.. От него все зависит! Захочет — даст денег на исследования, захочет — не даст!

— Ну да, — не поверил я, — с таким отношением к делу так бы и создал империю на трех континентах. Даст или не даст денег, больше зависит от того, что сделали, а не от цвета вашего галстука, что не совсем сочетается с цветом носков.

Он вскрикнул в ужасе:

— Правда?.. А какие надо?

— Да просто приспустите штаны, — посоветовал я серьезным голосом. — Калоши все прикроют.

Мышки Медведева на меня не обратили внимания, им люди просто люди, мало ли их бегают по свету, хотя и поменьше, чем самих мышей.

Я аккуратно перенес клетки в свой кабинет, заодно просматривая заново все работы Медведева. В самом деле творческие натуры более склонны как к творчеству, так и к злодейству. Мне кажется, за попытки нарушить законы природы и законы уголовного права отвечает одна и та же извилина. Наука — это точность, порядок, закономерности, а любое научное открытие нарушает строгий порядок.

В дверь стукнули, я оглянулся, Герашенко вошел непривычно тихий, посмотрел на меня как-то странно и даже вроде бы с некоторым испугом.

— Володя... там к тебе пришли...

— Пусть заходят, — ответил я автоматически, поднял голову и всмотрелся к его лицу. — Остап Шухевич, что стряслось?

Он сказал почти шепотом:

— Пойдемте, пойдемте... Это в моем кабинете.

Я не сопротивлялся, очень уж необычно ведет себя наш завлабораторией. Его кабинет на этом же этаже, мы прошли мимо ряда дверей, он торопливо распахнул дверь в свой кабинет. Я замешкался, но он втол-

кнул меня и так же быстро закрыл следом, будто опасается, что в испуге выскочу обратно.

У окна спиной ко мне мужчина, заложив руки за спину, повернулся, высокий и аристократичный, в безукоризненном английском костюме, седые волосы аккуратно подстрижены, удлиненное лицо лорда, строгое и высокомерное, холодный взгляд и безукоризненная выправка кадрового военного в десятом поколении.

— Здравствуйте, — сказал он ясным четким голосом, в котором мне послышалось лязганье затвора, — меня зовут Аркадий Валентинович, я заехал к вам по несколько необычному делу. Аркадий Валентинович Мещерский.

— Слушаю, — сказал я настороженно. — Звучит как княжеский титул.

Он сдержанно улыбнулся, дескать, так оно и есть, указал на одно из кресел у стола, единственного в нашем отделе, где вся столешница представляет огромный компьютерный экран.

— Присядем? Я не задержу вас надолго.

— Ничего, — ответил я. — Я привык к сидячей работе.

Он сел напротив, такой же прямой, элегантный, возраст заметен только по седым волосам и паре глубоких морщин, а так силен, бодр и в постоянной готовности к экшену, это просто излучается от его сильного тела.

Я подумал, что стоять перед ним еще хуже, словно подчиненный, и сел, слегка отодвинув стул в сторону.

Он некоторое время всматривался в меня, словно надеялся увидеть что-то сверх того, что я изволю экспонировать посторонним, я не двигался, рассматривал его спокойно и сдержанно, хоть вы там и князь,

но мы — ученые, а это в нашем мире неизмеримо выше. Уже выше, хотя мало кто это понимает.

— Наша сотрудница дала вам крайне лестную оценку, — сообщил он. — Вы показали себя крайне... крайне проницательным человеком. И с завидной легкостью распутали сложное дело.

Я пробормотал:

— Не думал, что вы из полиции.

Он чуть наклонил голову, не подтверждая и не отвергая, сказал ровно:

— Позвольте, перейду сразу к делу. У нас сейчас примерно такая же нештатная ситуация, и нам сверху посоветовали не менять коней на переправе.

Я постарался держать голос в той же ровной и безинтонационной тональности:

— Надеюсь, вы понимаете, что я не ваш конь?

Он не отрывал от моего лица внимательного взгляда, ответил чуть замедленно:

— Ученые вообще стараются ни от кого не зависеть... но деньги на фундаментальной науке не зарабатываются.

— Да, — согласился я. — Это единственный крючок, на который нас ловят.

Он чуть наклонил голову.

— Значит, у нас есть шанс договориться.

Я пробормотал:

— Простите, но, как вы понимаете, меня не столько заинтересовало... сколько безмерно удивило и даже покорило, что вы обращаетесь ко мне, человеку со стороны. Даже, простите, из другого мира.

Он поморщился, уже заметно, что ему в самом деле очень не хочется обращаться ко мне, своих орлов хватает, но кто-то велел, а приказы надо выполнять, выдержал мой взгляд и ответил с прежней интонацией:

— Сработало два момента. Первое, вы настолько блестяще, не побоюсь этого слова, в течение кратчайшего времени выяснили, кто похитил грант в двенадцать миллионов долларов из вашего Центра инноваций... это впечатлило, тем более, все отметили инновационность преступления. Все-таки и преступники действуют в рамках известных им правил, и, увы, правоохранительные работники не блещут поисками новых методов. Потому, как только преступник применил что-то новое, наши службы встали в тупик. Но решение нашел человек с совершенно иным складом ума.

— Гм, — сказал я, — а второе?

Он кивнул.

— Да-да. Второе... в том, что мы потеряли общий язык с одним из наших старых сотрудников. Очень старых.

— Я что, специалист по старикам?

Он произнес сдержанно:

— Нам известно, вы блестяще говорили со стариками-академиками, собирая нужные вам сведения.

— Простите?

Он чуть наклонился вперед и прямо посмотрел мне в глаза.

— Этот наш сотрудник не просто старик, он... академик, доктор наук, автор очень примечательных работ мирового уровня.

— Ого, — сказал я, — ну, я хоть и доктор наук, но пока что больше мальчик на побегушках и для битья. В науке иногда бьют. Крепко. А иногда не совсем иногда.

Он сказал настойчиво:

— Вам будет проще найти с ним общий язык.

Я поинтересовался:

— Простите, а как вам стало известно вообще о моем существовании?

— Любая страна сильна кадрами, — ответил он. — Вы ценный кадр. После того дела вас сразу взяли на заметку. Разумеется, по подсказке одного из наших сотрудников.

— Гм, — сказал я, — мне кажется, кто-то не в теме. Не припоминаю, чтобы я общался с кем-то из ваших сотрудников.

Он вскинул брови.

— Правда?.. Если я сейчас его приглашу.. может, вспомните?

— Вряд ли, — ответил я. — У меня хорошая память только на термины. Из мира науки.

Он сделал короткий жест над левым углом столешницы, мне бы такой стол.

Дверь распахнулась, я охнул про себя и невольно поднялся. Из коридора вошла в красном элегантном платье Ингрид, эффектно элитная, с голыми плечами и глубоким вырезом, копна иссиня-черных волос собрана в прическу «конский хвост», из мочек ушей свисают длинные серьги, на груди жемчужное ожерелье.

Длинные и, кто бы подумал, стройные ноги без уродливых бугров мышц обуты в моднейшие сапожки до колен, с обеих сторон расшитые бисером.

Она посмотрела свысока, наслаждаясь моим искренним изумлением. В крупных глазах навывкате мрачный триумф, орлиный нос высокомерно приподнят, а я, конечно, дурак, был слишком занят, чтобы просмотреть записи с камер.

Кадровый аристократ сказал светским голосом:

— Ингрид, это Владимир Алексеевич, вы с ним уже в некоторой мере знакомы. Владимир Алексеевич, по-

звольте познакомить вас с нашей сотрудницей, капитаном контрразведки Ингрид Волковой.

Я пробормотал:

— Мне казалось... она в полиции? Типа фельдфебель... или унтер?

— Было такое задание, — сообщил он. — По сигналу о злоупотреблениях капитан Волкова работала под прикрытием. Удалось разоблачить и снять с постов двух высокопоставленных работников полиции. А с вашей помощью взяли еще одного, дополнительный улов, чего совсем не ожидали.

— Блин, — сказал я искренне, — я не думал, что она еще и красивая! Там в полиции эта ваша солдафонша рывкала на всех. Позвольте, вот это кресло...

Он с поощряющей улыбкой смотрел, как я отодвинул для нее кресло. Ингрид прошла царственно, а когда я придвинул обратно, красиво и величественно села, руками сделав такой жест, словно приподнимает края широченного и длинного до пола платья, были такие в старину, а теперь остались только в виде свадебных и вроде бы церемониально бальных.

Я сел, Мещерский кивнул и сообщил:

— Ей надо было соблюдать роль.

— А сейчас, — поинтересовался я запоздало и с растущим подозрением, — у нее какая роль?

Он ответил подчеркнуто серьезно:

— Вы не поверите, но она получила задание уговорить вас посотрудничать с нами.

Я пробормотал:

— Она уговаривать умеет... Дубинкой по ребрам.

— Надеюсь, — сказал он мягко, — до этого не дойдет. Хотя...

— Хотя? — спросил я.

— Хотя ей обычно, — пояснил он, — полномочия предоставляются. Да, предоставляются. В смысле, широкие. Действовать по обстановке и на свое усмотрение.

— Ого, — сказал я, — как я понимаю, доверенный товарищ?

— Да, — подтвердил он. — Ее рекомендацию мы приняли очень серьезно. Насчет вас.

Я повернулся к Ингрид.

— И во что вы, капитан Волкова, восхотели втянуть серьезного ученого на этот раз?

— Возникла проблема, — ответила она.

— Какая?

— Серьезная.

— А в чем ее суть?

Она покачала головой.

— Информация пока что засекречена. Соглашайся.

— Ага, — сказал я саркастически, — щас. Не глядя. И не видя, в какое говно вступлю.

Глава 2

Она в затруднении оглянулась на Мещерского. Тот посмотрел строго, даже чуть откинулся на спинку кресла.

— Вижу, словарный запас научных терминов у наших докторов наук весьма широк.

— Наука, — напомнил я, — как сказал Ленин, должна быть близка к народу. А еще каждая кухарка должна уметь управлять государством. Эти кухарки еще не начали с контрразведки?

Он поинтересовался холодно:

— Похоже, интересы страны вы не принимаете слишком близко к сердцу?

— Я человек науки, — ответил я скромно. — Наука космополитична. И хотя живу в России, но с патриотизмом не перебарщиваю.

Он произнес уже совсем холодно:

— А когда вы возвращали украденный грант, вы работали не на страну, а на свою науку?

— На общую науку, — уточнил я. — Своей ни у кого, к счастью, нет.

— Вы сработали с блеском, — заметил он.

Я ответил скромно:

— Каждый бы так поступил на моем месте.

Он вскинул брови.

— Простите...

— Каждый доктор наук, — уточнил я. — У нас в лаборатории даже кандидаты наук уже редкость. Здесь куда камень ни кинь — попадешь в доктора.

Он произнес тем же почти безразличным голосом:

— А-а, вот вы что имеете в виду.

— Именно, — ответил я. — Все-таки у нас тут постоянное кипение мысли. Тайны рождения новых аксонов разгадать не легче, чем кражу или убийство. Смею предположить, намного труднее. Было бы легко, у нас был бы золотой век... А вот бегать и стрелять, все верно, мы не мастера.

Он чуть наклонил голову.

— Бегать и стрелять... да это проще, не спорю. Выучиться проще. В общем, у нас возникла чрезвычайная ситуация, когда бегать и стрелять бесполезно, не поможет. Да и вредно для дела. Нужно побывать на месте, поговорить с умнейшим человеком и... не испортить. Наша сотрудница порекомендовала обратиться к вам.

— Не знал, — проронил я, — что она любит устраивать еще и пакости. Хотя и догадываюсь.

Он светски улыбнулся.